

Российская социология девиантности и социального контроля (девиантология) в 60-е – 90-е гг. XX столетия¹

К истории отрасли

Каждое общество во все времена пыталось различными методами элиминировать поведенческие формы, признаваемые нежелательными (вредными, опасными). А мыслители, ученые старались объяснить существование негативных поведенческих форм и предложить меры по их устранению или же минимизации. За тысячелетия своего существования человечество перепробовало все мыслимые способы «искоренения» преступности, пьянства, «разврата», иных пороков, но – безуспешно.

Одной из первых *научных* концепций, объясняющих *девиантное (отклоняющееся) поведение*, была теория аномии Э. Дюркгейма (1858-1917). Его и принято считать основоположником *социологии девиантности и социального контроля*, хотя сам Дюркгейм не пользовался этой терминологией.

С тех пор в мировой социологии появилось множество трудов, посвященных проблемам девиантности и контроля над девиантными проявлениями (преступность, наркотизм, пьянство, коррупция, терроризм, проституция и др.)². Свыше четверти века выходит международный журнал «*Deviant Behavior*». В рамках Международной социологической ассоциации (ISA) действует Исследовательский комитет №29 «Девиантность и социальный контроль» («*Deviance and Social Control*»).

¹ Социология в Ленинграде – Санкт-Петербурге во второй половине XX века / ред. А. Бороноев. СПбГУ, 2008. С. 101-123.

² См., например: Bryant C. (Ed.) Encyclopedia of Criminology and Deviant Behavior. Vol. I-IV. Brunner-Routledge, 2001; Lamnek S. Theorien abweichenden Verhaltens. Vierte Auflage. München: W. Fink Verlag, 1990; Sumner C. The Sociology of Deviance. An Obituary. NY.: Continuum, 1994. Обзор на русском языке в: Гилинский Я. Девиантология: Социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». СПб., 2004.

Российские предтечи

Формирование социологии девиантности и социального контроля в России складывалось непросто. Хотя в трудах отечественных социологов и криминологов содержалось немало идей, результатов исследований, посвященных проблемам девиантного поведения (К. Герман, М. Гернет, П. Сорокин и др.), однако до Октября 1917 г. не было ни соответствующей терминологии, ни понятийного аппарата, ни осознания девиантности и социального контроля как предмета специальной отрасли социологических знаний. В годы советского тоталитарного режима это направление не могло создаваться и развиваться, как и социология в целом.

Характер и объем статьи не позволяют особенно углубиться в историю. Несомненно, давними и великими предшественниками отечественной (и *петербургской!*) девиантологии были и Питирим Сорокин, с его классическим трудом петербургского периода «Преступление и кара, подвиг и награда. Социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали»³, а также эссе о самоубийстве⁴, и М.Н. Гернет, чьи труды по социологии преступности, наркотизма, пьянства, проституции, самоубийств, их взаимосвязях и зависимостях от социальных, демографических, политических и иных факторов сыграли огромную роль в становлении отечественной криминологии как социологии преступности, да и девиантологии в целом⁵. Впрочем, мне приходилось не раз писать о наших предшественниках⁶.

³ Сорокин П.А. Преступление и кара, подвиг и награда. СПб., 1914.

⁴ Сорокин П.А. Самоубийство, как общественное явление. Рига, 1913.

⁵ См., например: Гернет М.Н. Избранные произведения. М., 1974; Он же. Моральная статистика (Уголовная статистика и статистика самоубийств). М., 1922.

⁶ Гишинский Я. Социология девиантного поведения и социального контроля. В: Социология в России / ред. В. Ядов. М., 1998. С. 587-609; Он же. Петербургская девиантология и девиантность в Петербурге. В: Санкт-Петербург в зеркале социологии / ред. В. Козловский. СПб., 2003. С.396-411; Девиантность и социальный контроль в России (XIX-XX вв.): Тенденции и социологическое осмысление / ред. Я. Гишинский. СПб., 2000.

Излишне напоминать, что развитие отечественной социологии было прервано десятилетиями сталинского режима с жесточайшей идеологической цензурой и фактическим запретом изучать явления, «чуждые советскому народу»...

Реальные условия для формирования *социологии девиантного поведения* появились в СССР только в период хрущевской «оттепели» и реанимации отечественной социологии. «Намеки» на девиантное поведение, его генезис, связи различных проявлений содержались уже в ведомственных ленинградских изданиях 1969-1970 гг. Так, в 1970 г. Ленинградской областной коллегией адвокатов был издан небольшой сборник статей к ленинскому юбилею (тиражом 600 экз. по цене 10 копеек...). В этом сборнике содержалась статья автора этих строк «Некоторые проблемы криминологии в свете ленинских идей». В этой статье говорилось, в частности, о преступлениях как одном из видов отклоняющегося поведения, о социально-историческом генезисе отклоняющегося поведения, о различении негативных и позитивных его проявлений, о необходимости комплексного изучения нормального, негативно и позитивно отклоняющегося поведения⁷. Причем здесь «ленинские идеи»? Да просто это было обычным цензурным прикрытием для «протаскивания буржуазных идей», о чем мне помянули спустя несколько лет. Кстати, по той же причине принятый в мировой науке термин «*девиантное* поведение» заменено «*отклоняющимся*»: во избежание обвинений в «преклонении перед Западом»...

Но лишь в 1971 г. были изданы небольшие по объему работы двух ленинградских авторов, которые независимо друг от друга решились написать о девиантном (отклоняющемся) поведении, вынеся эти слова в заглавие⁸. В этих работах ставился вопрос о необходимости рассмотрения

⁷ Гишинский Я.И. Некоторые проблемы криминологии в свете ленинских идей. В: В.И. Ленин - выдающийся государственный деятель и юрист / ред. Е. Малев, Я. Гишинский. Л., 1970. С.14-20.

⁸ Гишинский Я.И. Отклоняющееся поведение как социальное явление // Человек и общество. ЛГУ, 1971. Вып.8. С. 113-118; Он же. Некоторые проблемы «отклоняющегося поведения». В: Преступность и ее

различных нежелательных для общества нормонарушающих проявлений с позиции более *общей социологической теории*, поскольку девиантное поведение есть именно *социальный* феномен, различные его виды имеют общий генезис, находятся в сложных взаимосвязях и зависимости от экономических и социальных условий. Отмечалось значение понимания и выбора критерия (точки отсчета) «отклонения», оценки и измерения его величины, а также – *направленности*. Ибо, с точки зрения одного из авторов – Я. Гилинского, отклоняющееся поведение может быть как со знаком «-» (*негативное* – преступность, наркотизм, коррупция и т.п.), так и со знаком «+» (*позитивное* – социальное, научное, художественное, техническое и иное творчество). Эта позиция отстаивалась мною и в более поздних работах⁹ и была поддержана другими исследователями, в частности, А.М. Яковлевым¹⁰. Впрочем, в литературе эта проблема носит дискуссионный характер. Так, В.Н. Кудрявцев, много сделавший для становления девиантологии в России, не разделяет мою позицию в отношении позитивных девиаций¹¹.

Разумеется, в ранних отечественных публикациях отдавалось должное марксизму-ленинизму, решениям последнего съезда КПСС (Пленума ЦК КПСС), содержались идеологически вынужденные положения (о преимуществах социалистической системы и пороках капиталистической и т.п.). Подробнее об этом и других «маленьких хитростях» (публикация результатов одного исследования частями в разных городах и республиках – чаще в Эстонской ССР, написание цифровых данных словами – «пятнадцать процентов» вместо «15%», что могло «проскочить» мимо зоркого цензора Горлита, и т.п.) было рассказано мною на международной научной конференции, посвященной Ленинградской социологической школе¹².

предупреждение. ЛГУ, 1971. С.95-100; Здравомыслов А.Г. Методологические проблемы изучения девиантного поведения // Материалы социологического симпозиума. Ереван, 1971. С.6-9.

⁹ Гилинский Я.И. Творчество: норма или отклонение? // Социологические исследования. 1990. №2. С.41-49.

¹⁰ Основания уголовно-правового запрета: Криминализация и декриминализация / ред. В.Н. Кудрявцев, А.М. Яковлев. М., 1982. С. 152-153.

¹¹ Социальные отклонения. М., 1989. С. 97-101.

¹² Ленинградская социологическая школа (1960-е – 1980-е годы). М. – СПб., 1998. С.77-80

Впрочем, и эта обязательная атрибутика тех лет не спасла от обвинений в том, что Гишинский «оказался в плену» буржуазных идей, а выдвигаемые им положения имеют «чуждую нам идеологическую окраску», тогда как нам «нельзя делать уступок проникновению в какой-либо форме буржуазных идей»¹³.

Говоря о становлении и развитии в России социологии девиантности и социального контроля, следует подчеркнуть вклад академика В.Н. Кудрявцева, чьи труды отличались новаторством и одновременно служили «крышей» для менее именитых «девиантологов»¹⁴.

Формирование и развитие девиантологии в СССР и России

С конца 70-х – начала 80-х годов социология девиантности и социального контроля шаг за шагом развивается на территории СССР. В *Москве* активно работает группа профессора Б.М. Левина в Институте социологии АН СССР. Преимущественный объект группы Левина – пьянство и алкоголизм, а также наркотизм. Невозможно переоценить роль международных и отечественных конференций по социологии девиантности, организуемых Б.С. Левиным, а также выпускаемых под его редакцией сборников научных трудов¹⁵. В настоящее время сектор девиантного поведения ИС РАН продолжает работать под руководством М.Е. Поздняковой¹⁶.

¹³ Звирбуль В.К. Проблема преступности в свете борьбы социалистической и буржуазной идеологий // Вопросы борьбы с преступностью. М., 1975. Вып. 23. С.3-14.

¹⁴ Кудрявцев В.Н. Социологические проблемы исследования антиобщественного поведения // Социологические исследования, 1974, №1; он же. Правовое поведение: норма и патология. М., 1982; два издания (1984, 1989) монографии «Социальные отклонения» под редакцией и при соавторстве В.Н. Кудрявцева, и др.

¹⁵ Здоровый образ жизни и борьба с социальными болезнями / ред. Б. Левин. М., 1988; Проблемы борьбы с девиантным поведением / ред. Б. Левин. М., 1989; За здоровый образ жизни (Борьба с социальными болезнями) / ред. Б. Левин. М., 1991; За здоровый образ жизни (Борьба с социальными болезнями) / ред. Б. Левин. М., 1993.

¹⁶ Наркомания как форма девиантного поведения / ред. М. Позднякова. М., 1997; Наркомания: Ситуация, тенденция и проблемы / ред. М. Позднякова. М., 1999; Наркотизация населения в современной России: Специфика, субъекты, динамика / ред. М. Позднякова. М., 2003; Девиантное поведение: методология и методика расследования / ред. М. Позднякова. М., 2004; Девиантное поведение в современной России в фокусе социологии / ред. М. Позднякова и А. Салагаев. М., 2005; и др.

Огромны заслуги *грузинской* девиантологической школы, возглавляемой профессором А. Габiani. Его труды посвящены наркотизму, проституции, пьянству и алкоголизму, женской преступности и иным проявлениям девиантности¹⁷.

Активно развивается социология девиантности у ближайших ленинградских соседей - *эстонских* коллег (А. Лепс, Э. Раска, Ю. Саар)¹⁸. Благодаря им стали возможны и многие публикации ленинградских авторов, чьи труды были «непубликабельны» в условиях бдительной ленинградской цензуры.

Девиантное поведение подростков изучает группа *белорусских* коллег -Н. Голубкова, Л. Новикова, Д. Ротман, а также Е. Мальченков, до сего времени представляющий социологию девиантности в Белоруссии.

Исследованиями девиантного поведения занимались А. Баимбетов в *Башкирии*, С. Ворошилов в *Молдавии*.

И все же основным центром девиантологических исследований остается *ленинградская - петербургская* школа. Не случайно председателем комитета социологии девиантного (отклоняющегося) поведения Советской Социологической Ассоциации (ССА) избирался Я. Гишинский. Одними из первых ее представителей следует назвать также В.С. Афанасьева и И.В. Маточкина, которые еще в 70-е гг. со студенческой скамьи увлеклись проблемами девиантного поведения¹⁹.

Наряду с разработкой теоретических подходов к пониманию девиантности и ее различных проявлений (преступность, наркотизм,

¹⁷ Габiani А.А. Наркотизм (Конкретно-социологическое исследование по материалам Грузинской ССР). Тбилиси, 1977; Он же. Наркотизм: Вчера и сегодня. Тбилиси, 1988; Габiani А.А., Мануильский М.А. «Цена любви» (Обследование проституток в Грузии) // Социологические исследования. 1987, №6. С.61-68; Некоторые результаты социально-экономического исследования пьянства и алкоголизма (По материалам Грузинской ССР) /ред. А. Габiani. Тбилиси, 1979; и др.

¹⁸ Отклоняющееся поведение молодежи / ред. Э. Раска. Таллин, 1979; Лепс А. Влияние социально-демографических процессов на преступность. Таллин, 1981; Гишинский Я., Раска Э. О системном подходе к отклоняющемуся поведению // Известия АН Эстонской ССР. Т. 30, 1981, №2. А также Ежегодники Ученых записок Тартуского университета с 1985 по 1991 гг.

¹⁹ Афанасьев В.С., Маточкин И.В. К вопросу о понятии антисоциального поведения // Вестник ЛГУ, 1979. Вып. №3.

пьянство, самоубийства, а также творчество), уже в 70-е гг. ушедшего столетия ленинградцам удалось осуществить ряд эмпирических исследований. Это стало возможным, в частности, в связи с интересом к проблемам *комплексного социально-экономического планирования* предприятий и регионов. «Модное» направление, родившееся в Ленинграде и поддержанное Ленинградским ОК КПСС и «лично Г.В. Романовым»²⁰, требовало экономических и социологических исследований. А как прописать в их числе девиантологическую тематику – было делом техники и выработанной при советской власти эзоповой «мудрости» исследователей.

Так, нам удалось – в рамках НИИ комплексных социологических исследований (НИИКСИ) при Ленинградском государственном университете - провести серию эмпирических исследований преступности, пьянства, суицидального поведения, трудовых правонарушений в Ленинграде, Орле, Мурманске, Пскове (разумеется, по заказу соответствующих ОК КПСС). Некоторые результаты этих исследований были частично, насколько позволяла цензура, опубликованы²¹. Следует особо отметить комплексное социологическое исследование социальных проблем Орла, включая позитивные и негативные девиации, проведенное по инициативе и под руководством Л.И. Спиридонова²². Хотя и в этом случае не обошлось без руки цензора (на с. 96 упомянутой книги после второй корректуры исчезли данные о преступности), однако впервые удалось совместить в одной монографии теоретические предпосылки и некоторые результаты большого эмпирического исследования. Достаточно упомянуть, что наряду с выборочным опросом населения Орла, был осуществлен опрос в трех исправительно-трудовых колониях на территории Орловской области, изучены материалы расследований по фактам самоубийств, проанализированы данные открытой и «закрытой» (первый секретарь ОК

²⁰ Г.В. Романов долгие годы был первым секретарем Ленинградского ОК КПСС.

²¹ Человек как объект социологического исследования / ред. Л. Спиридонов, Я. Гилинский. Л.: Изд-во ЛГУ, 1977; Эффективность действия правовых норм / ред. А.С. Пашков. Изд-во ЛГУ, 1977; Отклоняющееся поведение молодежи / ред. Э.Раска. Таллин, 1979.

²² Человек как объект социологического исследования / ред. Л. Спиридонов, Я. Гилинский. Указ. соч.

КПСС дал указание!) статистики, и все это – на фоне и в связи с исследованием социальной стратификации и социальных перемещений населения города. В результате были выявлены корреляционные зависимости между социальным статусом и девиантными проявлениями, нетривиальные взаимосвязи территориального распределения различных форм девиантности и др. Так, были установлены обратные корреляционные связи между степенью алкоголизации и уровнем преступности, между уровнем убийств и уровнем самоубийств и др. Это привело к выдвижению гипотезы об «интерференции» различных форм девиантного поведения: в некоторых случаях одни проявления девиантности усиливают другие (алкоголизация и тяжкие насильственные преступления), в других случаях происходит «сбивание волны», когда одни проявления девиантности «глушат» другие (алкоголизация и корыстные преступления, наркотизация и преступность). Проверка и конкретизация этой гипотезы нуждается в дальнейшей основательной проверке.

Примером единого теоретического и методического подхода к изучению преступности, пьянства, самоубийств в рамках общей теории девиантности может служить методика выявления *групп риска* («криминального», «алкогольного», «суицидального» и обобщенного – «девиантного»), предложенная Н.Н. Проскурниной и апробированная в эмпирических исследованиях²³. Группы формировались по совокупности таких социально-демографических свойств, как пол, возраст, образование, социальное и семейное положение. Для каждого вида девиантности были выбраны свои показатели (например, для пьянства – заболевание хроническим алкоголизмом, употребление алкогольных напитков не реже четырех раз в неделю, помещение в медвытрезвитель, размер душевого потребления алкоголя). Были рассчитаны частные коэффициенты криминальной, алкогольной, суицидальной активности и общий коэффициент девиантности.

²³ Проскурнина Н.Н. Использование в криминологических исследованиях классификации социально-демографических групп населения // Теоретические проблемы изучения территориальных различий преступности / Ученые записки Тартуского университета. Тарту, 1985. С.84-91.

Позднее, в 80-е гг. в Ленинградском институте социально-экономических проблем (ИСЭП) АН СССР была образована группа изучения проблем пьянства и алкоголизма (руководитель – В. Карпов). В 1989 г. ленинградские исследователи девиантности смогли, наконец, объединиться на базе вновь созданного Ленинградского филиала Института социологии АН СССР (позднее – РАН): группа, а затем и сектор социологии девиантного поведения, позднее – сектор социологии девиантности и социального контроля или Центр девиантологии. Ряд ленинградцев-петербуржцев продолжали исследование различных проблем девиантности на базе других учреждений (В. Гордин – социология и экономика алкопотребления, В. Зобнев – социальная психология пьянства и наркотизма, Н. Кофырин, Ф. Махов, А. Сукало – девиантность подростков и др.)²⁴.

Именно в Санкт-Петербурге формируется новое направление не только отечественной, но и мировой социологии девиантности – *военная девиантология*²⁵.

В Петербурге же выходит *первое* отечественное учебное пособие по курсу социологии девиантности и социального контроля²⁶, а также *первое* в стране учебное пособие по суицидологии²⁷.

На базе теоретических и эмпирических исследований заложены основы *моделирования* девиантных проявлений.

Постепенно – с конца 80-х - начала 90-х гг., начинают развиваться и крепнуть международные связи. Проводятся совместные конференции,

²⁴ Кофырин Н. Криминогенные молодежные группы по месту жительства. Их правосознание и жизненные ориентации. В: Трудные судьбы подростков – кто виноват? М., 1991. С. 125-133; Сукало А.А. Педагогические основы профилактики правонарушений в сфере подростково-молодежного досуга. СПб., 1996; Gilinsky Y., Zobnev V. The Drug Treatment System in Russia: Past and Present, Problems and Prospects. In: Klingeman H., Hunt G. (Eds.) Drug Treatment Systems in an International Perspective: Drugs, Demons, and Delinquents. SAGE Publications, 1998, pp. 117-123

²⁵ Ворошилов С., Гилинский Я. Военная девиантология. Кишинев, 1994; Клепиков Д. В. Дедовщина как социальный институт. Дисс.... канд. социологических наук. СПб., 1997; Вагин В.С., Клепиков Д.В. Девиантное поведение военнослужащих. СПб., 1998; Вагин В.С. Военная девиантология: Теория, методология, библиография. М., 2001 и др.

²⁶ Гилинский Я., Афанасьев В. Социология отклоняющегося (девиантного) поведения. Учебное пособие. СПб., 1993.

²⁷ Гилинский Я., Юнацкевич П. Социологические и психолого-педагогические основы суицидологии. Учебное пособие. СПб., 1999.

осуществляются международные проекты. Среди множества последних нельзя не назвать многолетний проект «*Baltic Study*» (1991-1996) по сравнительному исследованию различных форм девиантности стран Балтийского региона (руководитель – проф. Ю. Симпура, Финляндия), один из первых в стране проектов эмпирического исследования организованной преступности «*Organized Crime Centers in Russia*» (1995-1997, координатор – проф. Л. Шелли, США), серия первых отечественных исследований детской проституции (1999-2002, координаторы Дж. О'Коннел-Девидсон, М. Юркинен, Э. Марконен и др., Великобритания, Финляндия). Петербургские девиантологи являются членами 29 Исследовательского комитета *Deviance and Social Control* Международной социологической ассоциации и выступали с докладами на XIII (1994, Билефельд, Германия) и XV (2002, Брисбен, Австралия) Международных социологических конгрессах. География участия петербургских девиантологов в международных конференциях, симпозиумах и семинарах – от Скандинавии до Турции, от США до Бразилии и Чили, от Таиланда и Японии до Австралии и Новой Зеландии (всего более чем в 40 странах).

День сегодняшний и день завтрашний

Конец XIX – начало XX веков характеризуются в России резким возрастанием интереса к исследованиям девиантности и социального контроля над ней, что неудивительно с учетом динамики объекта девиантологии...

Возникают все новые и новые центры изучения девиантности.

Нельзя не назвать *казанскую* школу, представленную трудами Ю.Ю. Комлева, И.В. Мкртумовой, А.Л. Салагаева, Н.Х. Сафиуллина, И.Г. Ясавеева и др.²⁸. Это активно работающие девиантологи, сочетающие интересные

²⁸ Комлев Ю.Ю., Сафиуллин Н.Х. Социология девиантного поведения: вопросы теории. Казань, 2000; Они же. Социология девиантного поведения. Казань, 2003 (последнее издание – 2006); Мкртумова И.В. Социальная конструкция девиантного поведения в различных социальных институтах (на примере исследований по Республике Татарстан). Казань, 2005; Салагаев А. Молодежные правонарушения и

теоретические построения (в частности, труды Ю. Комлева, конструктивизм И. Ясавеева) с эмпирическими исследованиями наркотизма, подростковой делинквентности и др. В ноябре 2005 г. в рамках Первых казанских социологических чтений успешно работала секция «Социология девиантного поведения».

Активно развивается девиантология в *Тюмени* (С.Г. Ольков, И.А. Грошева, И.Л. Грошев, Э.Г. Юзиханова и др.). В октябре 2003 г. Тюменские коллеги организовали и провели на базе Тюменского Юридического института МВД РФ Всероссийскую научно-практическую конференцию «Девиантология в России: история и современность»²⁹. В Тюмени, благодаря профессору С.Г. Олькову, произошел прорыв математического моделирования девиантных проявлений³⁰.

Интересное исследование проведено О.В. Теплоуховой во *Владивостоке*. В своей кандидатской диссертации «Экспертные суждения о риске потребления алкоголя, табака и наркотиков в контексте трансформации общества» (Владивосток, 2005), она, в частности, приходит к тем же выводам, что И.Г. Ясавеев в докторской диссертации «Конструирование социальных проблем средствами массовой коммуникации» (Казань, 2006) и М.Г. Мацкевич в кандидатской диссертации «Наркотизм как предмет социологического исследования» (Санкт-Петербург, 2006): в России благодаря популизму политиков и деятельности СМИ происходит гиперпроблематизация наркотизма при депроблематизации алкопотребления и табакокурения.

В *Ульяновске* трудится проф. Ю.А. Клейберг, чьи многочисленные труды по теории девиантного поведения и подростково-молодежной

делинквентные сообщества. Казань, 1997; Ясавеев И.Г. Конструирование социальных проблем средствами массовой коммуникации. Казань, 2004.

²⁹ Девиантология в России: история и современность (Сборник тезисов докладов...). Тюмень, 2003.

³⁰ Ольков С.Г. Биосоциальная механика, общественная патология и точная юриспруденция. Новосибирск, 1999; Он же. Математическое моделирование в юриспруденции, этике и девиантологии. Тюмень, 2006; Юзиханова Э.Г. Моделирование криминогенных процессов в субъектах Российской Федерации. Тюмень, 2005; Скифский И.С. Объяснение и прогнозирование насильственной преступности в Российской Федерации. Автореферат... канд. юрид. наук. Красноярск, 2006.

девиантности пополнились монографией «Социальная психология девиантного поведения (Москва-Ульяновск, 2005).

В апреле 2006 г. в *Нижнем Новгороде* успешно прошла Международная научно-практическая конференция «Девиация и делинквентность: социальный контроль».

Как уже говорилось, продолжают работу *москвичи* в секторе девиантного поведения СИ РАН под руководством М.Е. Поздняковой.

В рамках *петербургской* школы проводятся многочисленные эмпирические исследования (организованной преступности, наркотизма, пьянства и алкоголизма, коррупции, проституции, включая детскую, взаимоотношения полиции и населения, практики применения пыток и многие другие) и выходят фундаментальные труды³¹.

Думаю, будет справедливым кратко остановиться на некоторых персонах петербургской школы девиантологии.

Бараева Н.Б., к.с.н., зав. кафедрой Балтийского института экологии, политики, права. Научные интересы – организованная преступность как социальный институт, соотношение нормативного порядка и девиантности.

Белоусов К.Ю., к.с.н., старший научный сотрудник СИ РАН. Основное исследовательское поле – социальный контроль над девиантным поведением. Непременный участник проектов сектора социологии девиантности и социального контроля СИ РАН. Совмещает исследовательскую работу с преподавательской.

Гилинский Я.И., д.ю.н., профессор, главный научный сотрудник СИ РАН, профессор Санкт-Петербургского юридического института Генеральной

³¹ Социальный контроль над девиантностью в современной России / ред. Я. Гилинский. СПб., 1998; Девиантность и социальный контроль в России (XIX-XX вв.): Тенденции и социологическое осмысление / ред. Я. Гилинский. СПб., 2000; Гилинский Я., Гурвич И., Русакова М., Симпура Ю., Хлопушин Р. Девиантность подростков: теория, методология, эмпирическая реальность. СПб., 2001; Кесельман Л., Мацкевич М. Социальное пространство наркотизма. СПб., 2001; Шипунова Т.В. Введение в синтетическую теорию преступности и девиантности. СПбГУ, 2003; Гилинский Я. Девиантология: Социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». СПб., 2004; Глобализация и девиантность / ред. Я. Гилинский. СПб., 2006.

прокуратуры РФ, зав. кафедрой уголовного права РГПУ им. А.И. Герцена, автор свыше 370 научных публикаций.

Гольберт В.В., PhD Гамбургского университета, к.с.н., зав. сектором социологии девиантности и социального контроля СИ РАН. Талантливый ученый с хорошим знанием мировой социологии. Свободное владение английским и немецким языками. Основные интересы - теория социологии, концепция безопасности, карательные притязания. В ряду многочисленных публикаций монография «Innere Sicherheit in unterschiedlichen gesellschaftlichen Kontexten» (Lit Verlag, 2003).

Гурвич И.Н., д.психол.н., главный научный сотрудник СИ РАН, профессор факультета психологии СПбГУ. Основные интересы – методология социологических исследований, аддиктивные формы девиантности (наркотизм, пьянство и алкоголизм). В числе многочисленных публикаций фундаментальная монография «Социальная психология здоровья» (СПбГУ, 1999. 1024 с.).

Клепиков Д.В., к.с.н., старший преподаватель Военно-Морской Академии им. Н.Г. Кузнецова. Один из основателей военной девиантологии. Автор многочисленных работ, включая очень интересное диссертационное исследование «Дедовщина как социальный институт» (СПб., 1997).

Костюковский Я.В., к.с.н., старший научный сотрудник СИ РАН. Хорошо известен в России и за рубежом как исследователь организованной преступности в России. Соответствующие публикации на русском, английском, французском, польском и др. языках.

Мацкевич М.Г., к.с.н., старший научный сотрудник СИ РАН. Основные научные интересы – методология эмпирических исследований, общественное мнение, наркотизм. Сочетает научные и публицистические работы.

Румянцева Г.А., научный сотрудник СИ РАН. Научные интересы – социология суицидального поведения.

Русакова М.М., к.с.н., старший научный сотрудник СИ РАН, доцент Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств, директор Санкт-Петербургской общественной организации социальных проектов «Стеллит». Область научных интересов – социология наркотизма, проституции.

Шипунова Т.В., д.с.н., доцент факультета социологии СПбГУ. Основные научные интересы – теория девиантности, агрессия и насилие. Автор оригинальной общей социологической теории девиантности, основанной на видении причин девиантности в социальной несправедливости³².

Кроме того, многие петербургские ученые занимаются исследованием отдельных проявлений девиантности: преступности (профессора С.Ф. Милюков, Д.А. Шестаков, доцент А.Л. Сморгунова и др.), организованной преступности (к.с.н. О.Г. Цыплакова), экономической преступности (д.ю.н. Б.В. Волженкин, д.э.н. В.В. Колесников, к.с.н. Р.Г. Оленев), суицидального поведения (к.с.н. А.Е. Мальченкова), проституции (д.ф.н. С.И. Голод, к.с.н. А.А. Клёцин, к.с.н. А. Яковлева), социального контроля (д.с.н. О.А. Лиходей) и др.

Социологические исследования девиантности и социального контроля дополняются психологическими трудами петербургских коллег³³.

Наконец, петербургские девиантологи принимают посильное участие в деятельности многочисленных общественных организаций, осуществляющих социальную помощь «униженным и оскорбленным» (Фонд «Ночлежка», Фонд «Возрождение», «Матери против наркотиков», «Общественный центр содействия реформе уголовного правосудия», Центр «Судебно-правовая

³² Шипунова Т.В. Введение в синтетическую теорию преступности и девиантности. СПбГУ, 2003; Она же. Опыт построения социологической теории девиантности (теоретико-методологические проблемы). Дисс... д-ра соц. наук. СПб., 2004.

³³ Горьковая И.А. Личность подростка – правонарушителя. СПбГУ, 2005; Змановская Е.В. Девиантология: Психология отклоняющегося поведения: Учебное пособие. СПбГУ, 2001 (изд. 3-е, 2006); Лабковская Е.Б. Юридическая психология: Теория девиантного поведения. СПбГУ, 2000; Первова И.Л. Асоциальное поведение детей и подростков. СПбГУ, 1999.

реформа», Благотворительный некоммерческий фонд «Здоровое будущее» и др.).

Таким образом, можно утверждать, что с конца 60-х – начала 70-х гг. прошлого века *именно в Ленинграде впервые в отечественной социологии зарождается и формируется относительно самостоятельная специальная социологическая теория – социология девиантности и социального контроля (девиантология)*. Это отнюдь не умаляет значение трудов наших коллег из других регионов России и республик бывшего СССР. Не следует также забывать, что за рубежом это направление формировалось и развивалось значительно раньше.

К достижениям ленинградской-петербургской школы девиантологии можно отнести:

- начало формирования и развитие социологии девиантности и социального контроля в СССР - России;
- разработку теоретических основ отечественной девиантологии;
- разработку и реализацию многочисленных программ эмпирических социологических исследований преступности, организованной преступности, девиантности подростков, пьянства, наркотизма, суицидального поведения, коррупции, проституции (включая детскую), а также деятельности органов и организаций социального контроля над девиантностью (милиция, пенитенциарные учреждения, правозащитные организации);
- издание первых в стране учебных пособий по девиантологии и ее отдельным направлениям;
- многолетний мониторинг различных проявлений девиантности в Санкт-Петербурге, России в сравнении с зарубежными странами;
- обеспечение вхождения отечественной девиантологии в мировую науку (многочисленные публикации на английском, венгерском, итальянском, немецком, норвежском, польском, финском, французском, японском и др.

языках; участие в многочисленных международных конгрессах, конференциях, симпозиумах, семинарах);

- формирование военной девиантологии.

Юный (скорее даже младенческий) возраст девиантологии обуславливает отсутствие в ней устоявшихся понятий, устойчивой структуры, общепризнанных закономерностей существования и развития ее предмета. Это одновременно и «недостаток», и «достоинство» девиантологии: она *открыта для эволюционных и «революционных» изменений парадигм, для новых открытий.*

У девиантологии сильно деформировано одно крыло: относительно развитые знания о негативных девиациях при весьма скромных (зачаточных) представлениях о девиациях позитивных. За этим скрывается *огромное исследовательское поле.*

Девиантология больше, чем какая-либо другая общественная наука, свидетельствует о *релятивности, конвенциональности социальных конструкций* («девиация», «преступность», «наркотизм», «проституция», «коррупция», «терроризм», «творчество» и др.), об относительности и взаимодополнительности «добра» и «зла» в реальной жизни, «где порок переплетен с добродетелью и где из добра рождается зло, а из зла – добро»³⁴.

Как *все науки*, девиантология *интернациональна*. Тем важнее освоение и усвоение международного опыта, *активное вхождение отечественной науки в мировую*. Изоляционизм – гибель науки.

Увлекательная в своих теоретических построениях, девиантология по сути своей весьма *практична* – она выявляет закономерности, возможности социального контроля над девиантностью, как в целях минимизации негативных отклонений, так и для максимального развития позитивных девиаций, творчества.

³⁴ Гегель Г.В.Ф. Работы разных лет. В двух томах. М., 1971. С.544.

Основные положения отечественной девиантологии

Каковы же основные содержательные идеи отечественной девиантологии?

Девииации («отклонения») присущи всем уровням и формам организации мироздания. В физике и химии отклонения обычно именуется *флуктуациями*, в биологии – *мутациями*, на долю социологии и психологии выпали *девиации*.

Существование каждой системы (физической, биологической, социальной) есть динамическое состояние, единство процессов *сохранения* и *изменения*. *Девииации (флуктуации, мутации) служат механизмом изменчивости, а, следовательно, существования и развития каждой системы*. Отсутствие девиаций системы означает ее не-существование, гибель.

Чем выше уровень организации системы, тем динамичнее ее существование и тем большее значение приобретают *изменения как «средство» сохранения*. Неравновесность, неустойчивость становится источником упорядоченности (по И. Пригожину, «порядок через флуктуации»). Поэтому для биологических и социальных систем характерен переход от гомеостаза (поддержание сохранения, стабилизированного состояния) к гомеорезу (поддержанию изменений, стабилизированному потоку)³⁵.

Социальная норма выражает исторически сложившиеся в конкретном обществе пределы, интервал допустимого (дозволенного или обязательного) поведения, деятельности индивидов, групп, социальных организаций. В отличие от естественных норм протекания физических и биологических процессов, социальные нормы складываются (*конструируются*) как результат отражения в сознании и поступках людей закономерностей функционирования общества. Поэтому социальная норма может либо

³⁵ На пути к теоретической биологии: 1. Прологомены. М., 1970.

соответствовать законам общественного развития (и тогда она является «естественной», «нормальной»), либо отражать их неполно, неадекватно, являясь продуктом искаженного (идеологизированного, религиозного, политизированного) отражения объективных закономерностей. И тогда оказывается *анормальной* сама социальная «норма», «нормальны» же (функциональны, адаптивны) отклонения от нее.

Вот почему принципиальным для понимания социальных отклонений и предмета девиантологии как науки является осознание *относительности, релятивности* социальной «нормы» и социальных «отклонений». В реальной действительности не существует видов деятельности, форм поведения «нормальных» или же «девиантных» по своей природе, по содержанию, *per se, sui generis*. Те или иные виды, формы, образцы поведения «нормальны» или «девиантны» только с точки зрения сложившихся (установленных, *сконструированных*) социальных норм в данном обществе в данное время («здесь и сейчас»). Даже умышленное причинение смерти другому человеку может быть преступным (убийство) или же «нормальным», легальным – убийство врага на войне, исполнение приговора к смертной казни, необходимая оборона.

Девиантность - социальный феномен, выражающийся в относительно массовых, статистически устойчивых формах (видах) человеческой деятельности, не соответствующих официально установленным или же фактически сложившимся в данном обществе (культуре, группе) нормам и ожиданиям.

Девиантность как социальное явление реализуется через *девиантное поведение* – поступки, действия человека (группы лиц), не соответствующие официально установленным или же фактически сложившимся в данном обществе (культуре, группе) нормам и ожиданиям.

Девиантология (социология девиантности и социального контроля) - наука, изучающая социальные девиации (девиантность) и реакцию общества

на них (социальный контроль). В перспективе она может стать Общей теорией девиаций в природе и обществе.

Когда девиантология изучает девиантность и девиантное поведение, речь всегда должна идти о конкретном обществе, конкретной нормативной системе и об отклонениях от действующих в данном обществе норм – не более. В другом обществе, в другое время рассматриваемая «девиантность» может не быть таковой.

Социальные девиации и девиантное поведение могут иметь для системы (общества) двойное значение. Одни из них – *позитивные* – выполняют негэнтропийную функцию, служат средством (механизмом) *развития* системы, повышения уровня ее организованности, устраняя устаревшие стандарты поведения. Это – социальное *творчество* во всех его ипостасях. Другие же – *негативные* – дисфункциональны, дезорганизуют систему, повышают ее энтропию. Это преступность, наркотизм, коррупция, терроризм и др.

Границы между позитивным и негативным девиантным поведением подвижны во времени и пространстве социумов. В одном и том же обществе сосуществуют различные нормативные субкультуры (от научного сообщества и художественной богемы до преступных сообществ и субкультуры наркоманов). И то, что «нормально» для одной из них, – «девиантно» для другой или для общества в целом. Наконец, организация и дезорганизация, «норма» и «отклонение», энтропия и негэнтропия *дополнительны* (в понимании Н. Бора). Их сосуществование неизбежно, они неразрывно связаны между собой, и только совместное их изучение способно объяснить исследуемые процессы.

Вот почему девиантологическая концепция *социального контроля* над девиантными проявлениями исходит из *функциональности* всех существующих, не элиминированных в процессе исторического развития человечества, «отклонений», из их принципиальной неустранимости. Речь может идти лишь о разумной «корректировке» различных видов

девиантности с целью минимизировать негативные и оптимизировать позитивные.

Во все времена люди тщетно пытались «ликвидировать» нежелательные виды поведения. При этом человечество испробовало все мыслимые методы воздействия на «девиантов», включая пытки, квалифицированные виды смертной казни, калечение, галеры, каторгу, тюрьмы.

Лишь со временем стали осознаваться некоторые закономерности социального «зла».

Во-первых, как отмечалось, не существует поведенческих форм, «девиантных», преступных по своему содержанию. Все виды девиантности суть социальные *конструкты*³⁶. Общество или государство определяют, что в данное время признается недопустимым, нарушающим моральные или правовые нормы (напомним, что в средневековой Испании курение табака наказывалось смертной казнью, употребление каннабиса легально в современной Голландии, а потребление вина недопустимо в исламском мире).

Во-вторых, девиации в природе (флуктуации, мутации) и обществе служат *механизмом изменчивости*, а, следовательно, существования и развития каждой системы. Как заметил еще Лукреций, без «отклонений» (*clinamen*) «ничего никогда породить не могла бы природа»³⁷.

В-третьих, все виды и формы человеческого поведения, которые неадаптивны, нефункциональны, давно элиминировались в процессе человеческой истории. А те, что остались - адаптивны, функциональны и, следовательно, по Гегелю, «разумны» («имеют основание»)³⁸.

Какие же социальные функции, явные или латентные (Р.Мертон) выполняют различные виды девиантности?

³⁶ Гишинский Я.И. Криминология: Теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. СПб., 2002. С.30-39; Ясавеев И.Г. Конструирование социальных проблем средствами массовой коммуникации. Казань, 2004.

³⁷ Лукреций. О природе вещей. М., 1958. С.68.

³⁸ См.: Гишинский Я. «Все действительно разумно». В: Организованная преступность и коррупция: результаты криминологического-социологического исследований / ред. Н. Лопашенко. Вып.2. Саратов, 2006. С. 154-157.

Еще Э. Дюркгейм утверждал *нормальность* преступности, точнее, определенного ее уровня, для любого общества. «Преступность – нормальное явление потому, что общество без преступности совершенно невозможно». Более того, «сколь часто преступление является лишь предчувствием морали будущего, шагом к тому, что предстоит»³⁹. Дюркгейм ссылался при этом на Сократа, приговоренного соотечественниками к смертной казни, но служившего провозвестником новой морали. А разве не служили предтечами новых – рыночных отношений такие «преступления» советского периода, как «спекуляция», «валютные операции», «частнопредпринимательская деятельность и коммерческое посредничество»?

В своей статье 1981 года я называл такие функции *преступности*, как экономическая (перераспределение товаров и услуг в условиях государственной экономики), политическая (форма протеста против существующих общественных отношений), культурологическая (средство самоутверждения личности, субкультура, определенный образ жизни)⁴⁰.

В американской литературе описываются функции *коррупции*: упрощение административных связей, ускорение и упрощение принятия управленческих решений, консолидация и реструктуризация отношений между социальными классами и группами, содействие экономическому развитию путем сокращения бюрократических барьеров, оптимизация экономики в условиях дефицита ресурсов и др.⁴¹

Потребление *наркотиков и алкоголя* выполняет следующие функции: *анестезирующую* (снятие или уменьшение боли), *седативную* (успокаивающую, снижающую напряжение), *психостимулирующую* (наряду с чаем или кофе), *интегративную* (наряду с табаком; вспомним наши «перекуры» или «трубку мира» американских индейцев). Потребление наркотиков и алкоголя может служить формой социального *протеста*,

³⁹ Дюркгейм Э. Норма и патология. В: Социология преступности. М., 1966. С.40,43.

⁴⁰ Гишинский Я.И. О системном подходе к преступности // Правоведение. 1981. №5. С. 54.

⁴¹ Left N. Economic Development through Bureaucratic Corruption // The American Behavioral Scientist. 1964, VIII; Scott J. Comparative Political Corruption. Englewood Cliffs, 1972.

средством *идентификации* (показателем принадлежности к определенной субкультуре), а потребление некоторых из сортов – «элитарных», «престижных» (например, кокаина, французского коньяка) играет *престижно-статусную* роль. Вот, кстати, почему я убежден, что рано или поздно потребление наркотиков будет легализовано во всем мире. Это – единственный способ «победить» наркомафию, так же как отмена «сухого закона» в США привела в тридцатые годы минувшего столетия к ликвидации бутлегерства.

Еще древние, включая апостолов христианства, понимали функции *проституции*. Один из современников Солона (VI в. до н. э.), впервые открывшего публичные дома, воспекает его: «Солон, слава тебе, что ты купил публичных женщин для блага города, наполненного крепкими молодыми мужчинами, которые без твоего мудрого учреждения должны бы были предаваться нарушающему покой преследованию женщин из лучшей среды». В этом величании «выдается» одна из социальных функций проституции: служить предохранительным клапаном моногамного брака. Святой Августин восклицает: «Если уничтожить публичных женщин, то сила страстей все разрушит!». Ему вторит Фома Аквинский: «Уничтожьте проституцию, и всюду воцарится безнравственность!». Остается лишь удивляться нынешним российским борцам за нравственность, требующим криминализировать проституцию.

Распространенность *гомосексуализма* известна издревле. Гомосексуализм, как мужской, так и женский, существовал у первобытных народов Африки, Азии, Америки. Гомосексуальные отношения были распространены в древней Индии, Египте, Вавилоне, а также в Древней Греции и Риме. Более того, гомосексуализм распространен и в животном мире (владельцам собак-кобелей это хорошо известно).

По данным различных исследователей, в современном мире устойчивую гомосексуальную направленность имеют в среднем 1-6% мужчин и 1-4%

женщин. Эти цифры – «нижний предел», т.к. общее число мужчин и женщин, имевших гомосексуальный контакт хотя бы раз в жизни, доходит, по мнению Кинзи, до 48% мужчин и 19% женщин⁴² (27% по данным К. Дэвиса).

Из всех видов девиантности *истинный* или *врожденный* гомосексуализм, по-видимому, наиболее «биологичен» (а, следовательно, и нормален) по своей природе. Высказываются обоснованные сомнения в том, можно ли гомосексуализм относить к социальным *отклонениям*. Вообще гендерная идентификация индивида вовсе не столь очевидна, как это представляется обыденному сознанию. Наглядной иллюстрацией сложности гендерной идентификации служит *гермафродитизм* – врожденная двойственность репродуктивных органов, когда пол индивида нельзя однозначно определить ни как мужской, ни как женский. В случаях же *транссексуализма* лицо не только ощущает свою принадлежность к противоположному полу, но и упорно стремится к соответствующему изменению, в том числе хирургическим путем. Направленность сексуального влечения может быть не только гетеро- или гомосексуальной, но и *бисексуальной* (влечение к лицам обоего пола).

Очевидно, и гомосексуализм, и бисексуализм *нормальны* в том смысле, что представляют собой результат некоего разброса, поливариантности сексуального влечения, сформировавшегося в процессе эволюции человеческого рода. Если бы все иные формы сексуального поведения, кроме гетеросексуального, были абсолютно патологичны, они бы давно элиминировались в результате естественного отбора.

Я столь подробно остановился на проблеме гомосексуализма, поскольку последние события с запретом, а затем жестоким разгоном демонстрации геев в Москве (май 2006 г.) лишний раз свидетельствуют о нашей дремучести, нетерпимости, ксенофобии. Кстати, в развитых странах – Великобритании, Германии, США и др. гомофобия – явно выраженное

⁴² Kinsey A., Pomeroy W., Martin C. Sexual Behavior in the Human Male. Philadelphia, PA: W.B. Saunders, 1948; Kinsey A., Pomeroy W., Martin C., Gebhard P. Sexual Behavior in the Human Female. Philadelphia, PA: W.B. Saunders, 1953.

отрицательное отношение к гомосексуалистам – расценивается как тяжкое преступление (*hate crime* – преступление ненависти) наряду с преступлениями, совершенными по мотивам национальной, расовой, религиозной ненависти⁴³. Так что преследование гомосексуалистов в мае 2006 г. в Москве есть уголовное преступление, с точки зрения цивилизованных стран.

Наконец, *все* виды девиантности выполняют существеннейшую функцию: разграничение дозволенного / недозволенного и интеграция, консолидация нормопослушных граждан, противопоставляющих себя девиантам.

Вышесказанное отнюдь не преследует цель «оправдания» всех девиантных проявлений. Пафос изложенного - в призыве задуматься о природе и функциях различных социальных явлений, а, следовательно, и об *адекватных* формах и методах социального контроля, в отличие от истерии и кликушества с соответствующими требованиями «усилить борьбу», «сажать», «стрелять»... Кстати, не забудем, что высшие достижения человеческого духа – науки, искусства, литературы, есть также «отклонения», девиации, «ненормальности», только весьма положительные, хотя нередко осуждаемые братьями по творчеству (да и профанами)...

⁴³ Hall N. Hate Crime. Willan Publishing, 2005; Jacobs J., Potter K. Hate Crimes: Criminal Law and Identity Politics. Oxford University Press, 1998; Гилинский Я. «Hate crimes»: теория и российская реальность // Сибирский криминологический журнал, 2006, №2.

